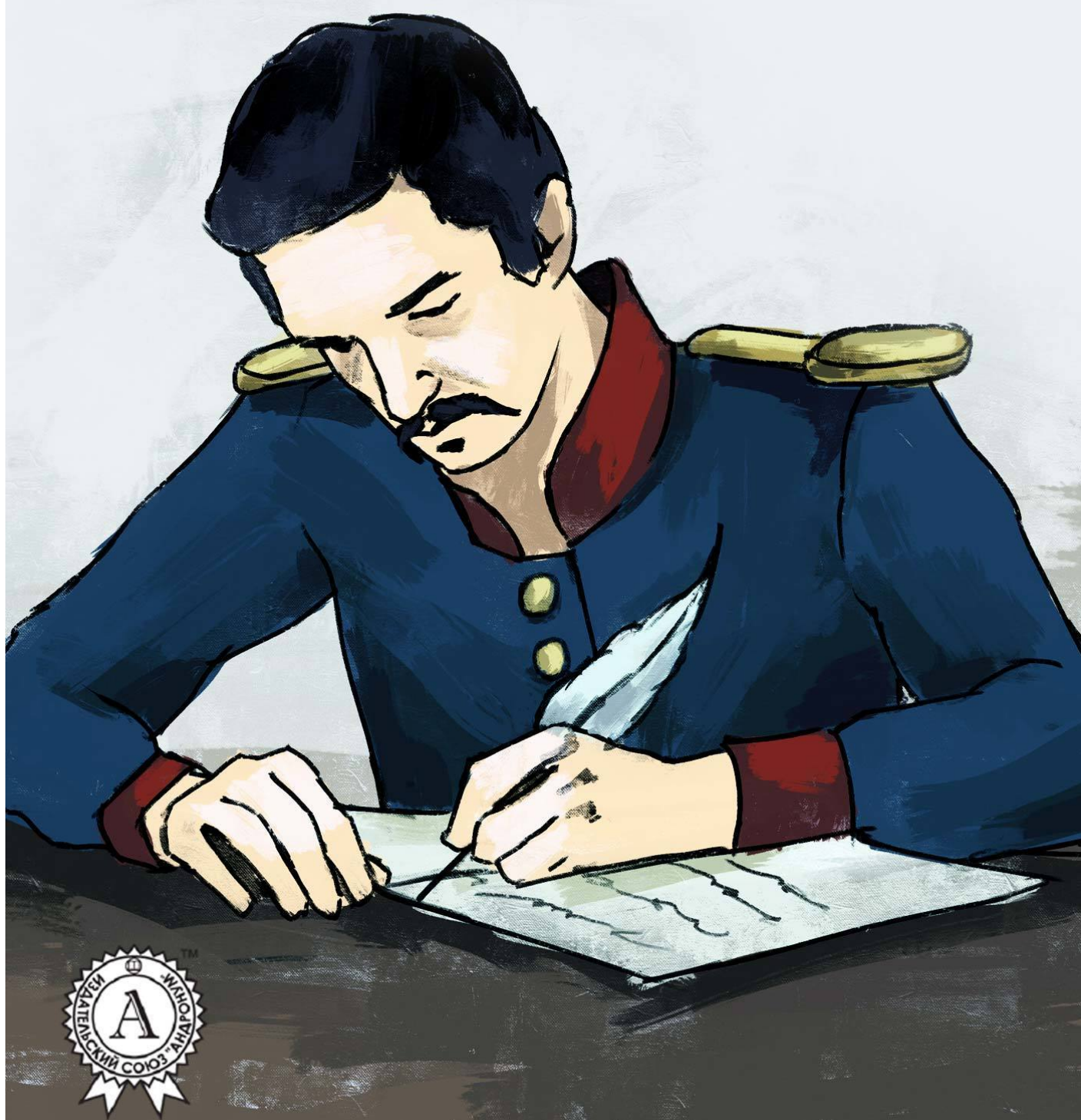

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Михаил Лермонтов

**Стихотворения (С
иллюстрациями)**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лермонтов М.

Стихотворения (С иллюстрациями) / М. Лермонтов —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Стихотворения Михаила Лермонтова не нуждаются в представлении. Они — о жизни и любви, о счастье и радости, о дружбе и красоте природы. Это поэтические строки, которые никого не оставят равнодушным. Они греют сердце, будят чувства, заставляют внимательнее всматриваться в окружающий нас мир.

© Лермонтов М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Стихотворения, 1828	7
Осень	7
Заблуждение Купидона	9
Цевница	10
Поэт	11
Стихотворения, 1829	12
К. П...ну	12
К Д...ву	13
Посвящение. N. N.	14
Пир	15
Веселый час	16
К друзьям	18
Эпиграмма («Дурак и старая кокетка – всё равно...»)	20
Мадригал	21
Романс («Коварной жизнью недовольный...»)	22
Портреты	24
К гению	26
Покаяние	28
Война	31
Русская мелодия	32
Песня («Светлый призрак дней минувших...»)	33
К... («Не привлекай меня красой!...»)	34
Романс («Невинный нежною душою...»)	35
Три ведьмы	36
К Нине	38
К N. N.	39
Эпиграммы	40
К Грузинову	43
Наполеон	44
Пан	46
Жалобы турка	47
К N. N. ***	48
Черкешенка	49
Ответ	50
Два сокола	51
Грузинская песня	52
Мой демон (1829)	53
Жена Севера	54
К другу	55
Элегия («О! Если б дни мои текли...»)	56
«Забывши волнения жизни мятежной...»	57
К *** («Глядися чаще в зеркала...»)	58
В день рождения N. N.	59
К *** («Мы снова встретились с тобой...»)	60
Монолог	61
Встреча	62

Баллада («Над морем красавица-дева сидит...»)	63
Перчатка	64
Дитя в люльке	66
К * («Делись со мною тем, что знаешь...»)	67
Молитва («Не обвиняй меня, всеильный...»)	68
Стихотворения, 1830	69
«Один среди людского шума...»	69
Кавказ	70
К *** («Не говори: одним высоким...»)	71
Опасение	72
Стансы («Люблю, когда борясь с душою...»)	73
Н. Ф. И...вой	74
«Ты помнишь ли, как мы с тобою...»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Михаил Лермонтов

Стихотворения

Стихотворения, 1828

Осень

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит,
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

Заблуждение Купидона

Однажды женщины Эроса отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремится.
Ваш подлый род один! – безумный говорит.

* * *

С тех пор-то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она...
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смирней, на тех падет вина!..

Цевница

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций,¹
И куст прелестных роз, взлелеянных весной.
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!..
Сокрылось всё теперь: так, поутру, туманы
От солнечных лучей редуют средь поляны.
Исчезло всё теперь; но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое воспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!

¹ Традиционные образы классической поэзии. Обращение к этим образам, как и некоторая архаичность языка («зрел», «взлелеянных», «веселие» и т. д.), – дань юного Лермонтова литературной школе, которую представляли пансионские преподаватели А. Ф. Мерзляков и С. Е. Раич (см. примечание к предыдущему стихотворению). В стихотворении отмечают также следы чтения «Беседки муз» (1817) К. Н. Батюшкова.

Поэт

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! Души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

Стихотворения, 1829

К. П...ну

Забудь, любезный Петерсон,
Мои минувшие сужденья;
Нет! Недостоин бедный свет презренья,
Хоть наша жизнь минута сновиденья,
Хоть наша смерть струны порванной звон.
Мой ум его теперь ценить иначе станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.²
Зачем же всё в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, —
Везде утехи есть толпе простонародной;
Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..

² Строки 8–9 заимствованы из стихотворения Хомякова «Три стакана шампанского», напечатанного в «Московском вестнике» в 1828 г.: Там дружба дружбы не обманет, Любовь любви не изменит.

К Д...ву

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей;
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю —
И больше им не доверяюсь!..

Посвящение. N. N.

Вот, друг, плоды моей небрежной музыки!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю всё: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на всё для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты всё прочтешь в немой душе моей;
Тогда: беги, не трать пустых речей, —
Ты осужден последним приговором!..³

³ Последние две строки заимствованы из стихотворения Пушкина «Коварность», напечатанного в «Московском вестнике» в 1828 г. и в собрании стихотворений 1829 г.: Тогда ступай, не трать пустых речей — Ты осужден последним приговором.

Пир

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,⁴
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь – кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

⁴ Стих «Под сень черемух и акаций» заимствован из шестой главы «Евгения Онегина» Пушкина (строфа VII), напечатанной в 1828 г.

Веселый час

(Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы)

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пусть умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне,
Как прежде, утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..

Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий и старинный;
И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удастся!

Иль если крыса в ночь
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь – и тут!..
Послыша глас тревоги,
Она – давай бог ноги!..

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,

Смешу – и тем сытей
Всегда почти бываю.

.....

.....

Тогда я припеваю

.....

.....

«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»

К друзьям

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой

Быстро время проводить.

* * *

Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.

* * *

Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.⁵

⁵ Строка «Дума на сердце лежит» взята из стихотворения Н. Ф. Павлова «К друзьям», напечатанного в журнале «Московский вестник» в 1828 г.

Эпиграмма («Дурак и старая кокетка – всё равно...»)

Дурак и старая кокетка – всё равно:
Румяны, горсть белил – всё знание его!..

Мадригал

«Душа телесна!» – ты всех уверяешь смело;
Я соглашусь, любовью дыша:
Твое прекраснейшее тело —
Не что иное, как душа!..

Романс («Коварной жизнью недовольный...»)

Коварной жизнью недовольный⁶,

⁶ Начальный стих «Романса» сходен с первой строкой стихотворения «Надежда» А. Подолинского, напечатанного в

Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, сказал он, други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?

* * *

Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! Тебя ли
Загладят в памяти моей
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?

* * *

Нет! И под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Всё будешь ты в моих очах!»

* * *

В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!⁷

альманахе «Подснежник» в 1829 г. («Бесплодной жизнью недовольный»).

⁷ Заключительные два стиха являются перефразировкой строк из стихотворения Пушкина «Зимняя дорога» (напечатанного в «Московском вестнике» в 1828 г.): Колокольчик однозвучный / Утомительно гремит.

Портреты

1

Он некрасив, он невысок,
Но взор горит, любовь сулит,
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Лият без слов язык богов.
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной.
Не любит он и славы дым.
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь,
Всё бросил он как лживый сон!
Не знал он друга меж людей,
Везде один, природы сын.
Так жертву средь сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.

2

Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки – полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.

3

Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение – злодей!..

4

Всё в мире суета, он мнит, или отрава,
Возвышенной души предмет стремленья – слава.

5

Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоки питает, —
Не знает он тайны природы.
Открыт всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.

6

Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

К гению

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня, невольно, к воспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанию!..
О сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней, и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу забывшись им. Но полный весь тоскою
Неверной девы лик мелькает предо мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Но я тебя молю, мой неизменный Гений:
Дай раз еще любить! Дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
Но прежде там, где вы, души моей царицы,
Промчится звук моей задумчивой цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
Певец знавал любви живые упоенья...
...И я приду сюда, и не узнаю вас,
О струны звонкие!

.....
.....

Но ты забыла, друг! Когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонял —
И был ответом вздох, твою я руку жал —
И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!..
Их пламень на груди моей давно затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..
Забудь любовь мою! Покорна будь судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
Забудь!.. Пускай другой твою украсит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
Где стелется эфир, как вечный океан,
И совесть чистая с беспечностью драгою,

Хранители души, останьтесь век со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

Покаяние

Дева

– Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечный,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

Поп

– Если дух твой изнемог
И в сердечном покаянье
Излиешь свои страдания:
Грех простит великий бог!

Дева

– Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Всё прошло, что было прежде, —
Где ж найти уплывших лет?
Не хочу я пред небесным
О спасенье слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Всё, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... Скрепися,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти вожделенью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..
Но любви тайна сладость
Укрывалася от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:

Я любовью торговала;
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

Поп

– Если таешь ты в страданье,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянье:
Не простит великий бог!..

Письмо

Свеча горит! Дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо мною,
И много в грудь теснилось – и ты
Напрасно чашу мне несла здоровья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! – Но вот одно желанье:
Приди ко мне, приди в последний раз,
Чтоб усладить предсмертное страданье,
Чтоб потушить огонь сомкнутых глаз,
Чтоб сжать мою хладеющую руку...
Далеко ты! Не слышишь голос мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!
Когда ж письмо в очах твоих печальных
Откроется... Прочтешь его... Тогда,
Быть может, я, при песнях погребальных,
Сойду в мой дом подземный навсегда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,
Мой дух всегда готов к тебе летать
Или, в часы беспечного досуга,
Сокрыты прелести твои лобзать...
Настанет ночь; приедешь из собрания
И к ложу тайному приедешь одна;
Посмотришь в зеркало и жар дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огонь на девственны ланиты,
К груди молодой прильнет безвестный дух,
И над головой мелькнет призрак забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я из гроба

На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный удел!..
Когда ж в санях, в блистательном катанье,
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом страданье
Стоит гусар безмолвен, мрачен, тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!..
Ах! Много, много я сказать желаю;
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти подступаю,
И – падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Всё изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен был!..

Война

Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!

Русская мелодия

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой, —
И рушилось неверное созданье!

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный, и свободный!..

3

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы, милой сердцу и прекрасной, —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! – но напрасно! —
Никто конца ее не допоеет!..

Песня («Светлый призрак дней минувших...»)

Светлый призрак дней минувших,
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять бывшее счастье
И беспечность?..
Где вы, дружески обеты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод
Водворились!

К... («Не привлекай меня красой!..»)

Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! Много лет, как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь как нищий сир,
Брожу один, как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... Схватил рукой...
И – пропасть под ногой скользящей!..

Романс («Невинный нежною душою...»)

Невинный нежною душою,
Не зная в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать с какой-то простотою:
Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодование скрыв,
Тот может, друг, еще сказать забывшись;
Я был счастлив!..

Но я, в сей жизни скоротечной,
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!

Три ведьмы

(Из «Макбета» Ф. Шиллера)

Первая

Попался мне один рыбак:
Чинил он весел сети!
Как будто в рубище, бедняк,
Имел златые горы!
И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,
Что всё сердит меня одно...
Однажды рыбу он ловил,
И клад ему попался;
Клад блеском очи ослепил,
Яд черный в нем скрывался.
Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Другие две

Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Первая

И вот где он: там пир горой,
Толпа увеселений;
И прочь, как с крыльями, покой
Быстрее умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы – прах пустой!
Вторая и третья
Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..

Первая

Но бедность скоро вновь бежит,
Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду

Свободною минутой:
Там он сидел на берегу,
Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
Вы отращений полны,
Блаженства, злата!.. Вы мечта!..»
И забелели волны.

К Нине

(Из Шиллера)

Ах! Сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но, как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.

.....

Пусть, навек с златым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но увы! Ты любишь свет:
И любви моей как нет!

.....

Может ли любви страданье,
Нина! Некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?..

К N. N.

Ты не хотел! Но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор поймешь;
Но он тебе, как меч, как яд, опасен;
Захочешь ты проступку вновь помочь;
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участие!..

Эпиграммы

1

Есть люди странные, которые с друзьями
Обходятся как с сертуками:
Покуда нов сертук: в чести – а там
Забыт и подарен слугам!..

2

Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.

3

Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не суждено;
Ругать и льстить, и лгать в одно и то же время,
Признаться, – очень мудрено!

4. Г-ну П...

Аминтвой на глупца походит,
Когда за счастьем бежит;
А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.

5

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной – всё то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..

6

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит;
(Но не о том, что жизни друг лишился):
Пять раз забыл он взять билеты за визит!..

К Грузинову

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! Коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женщины – итак,
Кто ж видел женщин благодарных?..

Наполеон

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! – Наполеон!..
Вещают так: и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..

Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.⁸
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! Рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов – но... Воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. И скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.
.....
Огнем снедаем угрызений,

⁸ Диана (у греков Артемида) – богиня луны.

Ты здесь безвременно погас:
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный отражен
Кристалльною играющей волною
И гаснет день: усталою стопою
Идет рыбак берегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»

.....
Вдруг!.. Ветерок... Луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... И тень ему предстала.
«Умолкни, о певец! Спешి отсюда прочь,
С хвалой иль язвою упрека:
Мне всё равно; в могиле вечно ночь,
Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!
Пушай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

Пан

(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшись лесов в таинственную сень
Или под ветвями пустынных рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.
Тогда приходит Пан с толпою пастухов⁹;
И пляшут вокруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновение:
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

⁹ Пан – в греческой мифологии сын бога Гермеса, покровитель стад и пастухов, божество, олицетворяющее природу. Его песни и игра на свирели символизировали поэзию. Хмель и сосуд с опьяняющим напитком служили эмблемой радости жизни. Изображался в виде человека с козлиными ногами, рогами и бородой.

Жалобы турка

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут¹⁰?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! Этот край... Моя отчизна!

* * *

P. S. Ах! Если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? – Все мы человеки!..

¹⁰ Первый стих «Ты знал ли дикий край, под знойными лучами» сходен с началом «Песни Миньоны» Гете («Kennst du das Land» («Знаешь ли ты страну»)) из «Вильгельма Мейстера» (ср. эпиграф к стихотворению Пушкина «Кто знает край, где небо блещет», 1827). «Абидосская невеста» Байрона также начинается стихами «Кто знает край далекий и прекрасный, Где кипарис и томный мирт цветут» (перевод И. И. Козлова, 1826).

К N. N. ***

Не играй моей тоской,
И холодной, и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..

* * *

Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!

* * *

Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! Злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое успокоить мщенье!..

Черкешенка

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!
Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетаёт
Бродить средь милых, дальных скал.

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть ещё небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

Ответ

Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молнией, догорает,
Погас – и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, —
На нем печать оставил рок.

Два сокола

Степь синяя расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, потрянувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
– Ах! Я свет возненавидел
И безжалостных людей.
«Что ж ты видел там худого?»
– Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся, как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! Ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

Грузинская песня

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился;
Ах! Ею старый армянин
Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же?
Скрываются красы как тень.
О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но всё любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился.
И перл между ресниц порой
Не бился...

Но армянин открыл коварность.
Измену и неблагодарность
Как перенести!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведаль —
И труп преступницы волнам
Он предал.

Мой демон (1829)

Собрание зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших
Стоит его недвижный трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

Жена Севера

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны,
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов;
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немym виденьем
Был строен их невнятный глас!..

К другу

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.¹¹
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою;
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшая дубравы
Не кается еще в своих грехах;
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

¹¹ Строки 7–8 – парафраза из «Элегии» («Ее уж нет, моей весны») В. Астафьева, напечатанной в «Московском телеграфе» в 1826 г.

Элегия («О! Если б дни мои текли...»)

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, умиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я верно не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живут хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

«Забывши волнения жизни мятежной...»

Забывши волнения жизни мятежной,
Один жил в пустыне рыбак молодой.
Однажды на скале прибрежной,
Над тихой прозрачной рекой,
Он с удой беспечно
Сидел
И думой сердечной
К протекшему счастьем летел.

К * («Глядися чаще в зеркала...»)**

Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в молодой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить,
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..

В день рождения N. N.

Чего тебе, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливым на разные манеры
И продолжай беспечно пировать
Под сенью Марса и Венеры...

К * («Мы снова встретились с тобой...»)**

Мы снова встретились с тобой...
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.
Ах! Как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..

Монолог

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

Встреча

(Из Шиллера)

1

Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг, как бы летучие перуны,
Мои персты ударились о струны.

2

Что я почувствовал в сей миг чудесный,
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел, дотоле не известный,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья
И страсти юные и вдохновенья.

Баллада («Над морем красавица-дева сидит...»)

Над морем красавица-дева сидит;
И, к другу ласкаясь, так говорит:

«Достань ожерелье, спустился на дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! Он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно. —

Возьми!» — и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной молодой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

Перчатка

(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают,
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обзрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.
И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь;
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,

То подымите перчатку мою!»
И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но с досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!»
И гордую тотчас покинул.

Дитя в люльке

(Из Шиллера)

Счастлив ребенок! И в люльке просторно ему: но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.

К * («Делись со мною тем, что знаешь...»)

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь;
На кой мне чёрт душа твоя!..

Молитва («Не обвиняй меня, всесильный...»)

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращаюсь.

Стихотворения, 1830

«Один среди людского шума...»

Один среди людского шума,
Возрос под сенью чуждой я,
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлись пылкие друзья,
Но я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь,
Изменой душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,
Ни слез, ни пламенных страстей.

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих годах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

К * («Не говори: одним высоким...»)**

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь с чувством я глубоким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнание дальном он погас —
И что ж? — Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..

Опасение

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... Летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

Стансы («Люблю, когда борясь с душою...»)

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с холодным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моленья
Ее слезу очам моим:
Так, зря Спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.

Н. Ф. И...вой

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.
Мои неясные мечты

Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный,
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытал,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум, печальной цели.

«Ты помнишь ли, как мы с тобою...»

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных работ,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.